

Уильям Истерли

ТИРАНИЯ ЭКСПЕРТОВ

Экономисты,
диктаторы
и забытые
права бедных

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Уильям Истерли

**Тирания экспертов.
Экономисты, диктаторы
и забытые права бедных**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2014

УДК 330.342

ББК 65.01

Истерли У.

Тирания экспертов. Экономисты, диктаторы и забытые права бедных / У. Истерли — «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2014

ISBN 978-5-93255-453-1

В прошедшем столетии глобальная бедность чаще всего рассматривалась как техническая проблема, для которой необходимо найти правильное «экспертное» решение. Но слишком часто эксперты предлагали решения для сиюминутных проблем и не учитывали системных политических причин, которые вызывают эти сиюминутные проблемы. Более того, эксперты объединяются с «благожелательными диктаторами», так что у диктаторов оказывается еще больше власти для того, чтобы нарушать права бедных.

В «Тирании экспертов» экономист Уильям Истерли, автор бестселлера «Бремя белых», рассказывает историю борьбы с глобальной бедностью и показывает, что такой подход не только губителен для личной свободы бедных, но его применение позволило заглушить голоса сторонников альтернативного подхода к борьбе с бедностью: подхода свободы. Истерли обсуждает множество новых научных открытий экономистов и утверждает, что лишь один новый подход к развитию – тот, который основан на уважении к личным правам людей в развивающихся странах и в котором неограниченная власть государства считается проблемой, а не решением, – способен остановить глобальную бедность раз и навсегда. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 330.342

ББК 65.01

ISBN 978-5-93255-453-1

© Истерли У., 2014
© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2014

Содержание

Предисловие к русскому изданию	7
Часть I. Несостоявшийся спор	9
Глава 1. Введение	9
Права богатых – против прав бедняков	9
Технократическая иллюзия	11
Анонимные апологеты авторитаризма	12
История концепции авторитаризма	12
Надежда на новые исследования	13
Небезопасная дискуссия	14
Какова же повестка дня?	16
Глава 2. Два нобелевских лауреата – и диспут, которого не было	19
Хайек бежит от нацистов	21
«Дорога к рабству»	23
Дискуссия 1: строительство «с чистого листа» – против извлечения уроков из истории	25
Дискуссия 2: благополучие государства – против благополучия индивидуумов	28
Дискуссия 3: осознанный план развития – против спонтанных решений	30
Государство не противостоит рынку	32
Идея осознанного замысла в контексте недостаточности знания	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Уильям Истерли
Тирания экспертов. Экономисты,
диктаторы и забытые права бедных

Издательство Института Гайдара, 2016

Copyright © 2014, William Easterly.

All rights reserved.

* * *

Посвящается Лиззи

Предисловие к русскому изданию

Для меня большая честь видеть перевод своей книги на русский язык. В моем интеллектуальном становлении Россия сыграла важную роль.

Мое знакомство с Россией состоялось четверть века назад, в 1990 году. Вероятно, за всю историю Всемирного банка я был первым сотрудником, посетившим Москву по служебным делам. В то время этого никто не заметил, так как я был лишь одним из многих аналитиков Всемирного банка в составе представительной делегации Международного валютного фонда (МВФ), в августе 1990 года направленной в СССР. Кроме того, я был слабо подготовлен к такой миссии, весьма мало знал о Советском Союзе и не говорил по-русски, что было характерно для всей делегации. Нашей задачей была подготовка исследования, совместно предпринятого МВФ и Всемирным банком, результаты которого в феврале 1991 года были опубликованы в виде 3-томного сборника под заглавием: «A Study of the Soviet Economy». Боюсь, в тот момент пользы от нашего исследования (для россиян или хоть для кого-то) было мало, разве что оно обнаружило всю глубину западного непонимания проблем Советского Союза. С сожалением я признаю мою – пусть и минимальную – роль в этом первом проявлении научного высокомерия со стороны Запада, которое не раз повторится в последующие годы. После распада СССР в период 1992–1995 годов я продолжал путешествовать по России и участвовать в написании еще ряда докладов сомнительной научной ценности.

Впрочем, обнаружив в себе (а также в других самозванных западных экспертах) упомянутое высокомерие, я извлек для себя полезный урок, который к тому же был усилен впечатлениями от катастрофического перехода России от плановой экономики к капиталистической. Этот опыт я описал в предыдущей книге, вышедшей в 2006 году: «Бремя белого человека: почему попытки Запада помочь остальному миру приносят так много зла и так мало добра». В книге я ссылался преимущественно на немногих коллег, осознавших нелепость западных рекомендаций для России, – экономистов, так и не получивших заслуженного признания. Один из них – Питер Мюррелл из Университета Мэриленда – описал усилия Запада по реформированию российской экономики следующим образом:

Всему существующему [в этой стране] выказывается полное пренебрежение... При выборе оптимальной программы реформ... история [России], состояние общества и экономика действующих институтов – все кажется мелкими подробностями... Создание рыночной экономики рассматривается преимущественно как процесс разрушения... сторонники шоковой терапии предполагают, что реализовать их технократические решения будет довольно легко... Русским нужно лишь отказаться от всех существующих установлений.

В моей новой книге я делаю следующий шаг и описываю злополучный союз трех групп, претендующих на неограниченную власть, – союз, ставший не подспорьем, а препятствием на пути экономического развития. Во-первых, это архитекторы внешней политики развитых стран, в которой учитываются интересы самих развитых стран, но при этом игнорируются права жителей остального мира – что продолжается со времен колониализма и холодной войны вплоть до нынешней войны против терроризма. Во-вторых, это автократические режимы, угнетающие собственные народы в развивающихся странах и получающие поддержку со стороны архитекторов внешней политики развитых стран, поскольку были его союзниками в холодной войне или являются его союзниками в нынешней войне с террором. В-третьих, эксперты по вопросам развития, признающие автократическую власть первых двух группировок ради осуществления собственных целей, которые ими характеризуются как политически нейтральные,

чисто технократические решения проблем мировой бедности. Эти эксперты по вопросам развития чрезмерно уверены в собственном знании (так же, как были в нем уверены в период трансформации России) и недостаточно внимательны к политическим и экономическим правам населения стран, находящихся за пределами западного мира.

В этой книге я доказываю, что лучшие решения для экономического развития страны принимаются на основе опыта этой самой страны. Но эти решения не возникнут сами по себе. Развитие с учетом национального опыта возможно тогда, когда ее жители обладают реальной политической и экономической свободой принимать собственные решения, а также поощрять своих соседей и избранных ими правителей к поиску таких решений.

Эту книгу я посвящаю защитникам свободы, равноправия и самоопределения народов всего мира.

Часть I. Несостоявшийся спор

Глава 1. Введение

Фермеры округа Вуд на северо-западе штата Огайо были застигнуты врасплох. Утром 28 февраля 2010 го-да, когда в местной церкви происходила воскресная служба, в селение вошли солдаты. Услышав выстрелы, фермеры бросились к своим жилищам, которые к тому времени уже были охвачены пламенем. Пока одни солдаты держали фермеров на мушке, не позволяя им тушить пожар, другие облили бензином и подожгли амбары с недавно собранным урожаем зерна. Попавший в огненную ловушку, погиб восьмилетний ребенок. С молочным стадом военные покончили быстрее и гуманнее – пулеметными очередями. Затем под угрозой оружия из селения были изгнаны свыше 20 000 фермеров. «Не смейте сюда возвращаться, – кричали им солдаты, – эта земля больше не ваша».

Фермеры, чьи семьи владели этой землей в течение жизни нескольких поколений, с горечью узнали о том, что участки у них отбирает – при содействии военных – некая британская компания. Она планировала заняться разведением леса, чтобы затем продавать древесину. Еще больше фермеров поразило известие о том, что этот проект продвигает и финансирует Всемирный банк – международная организация, официальной целью которой является борьба с бедностью. Как известно, Всемирный банк не подпадает под юрисдикцию США и не подчиняется судебным решениям штата Огайо.

Казалось, в своей беде фермеры могли надеяться на спасительную гласность. И действительно, год спустя британская правозащитная организация *Oxfam* опубликовала доклад о февральской трагедии в округе Вуд. На основе материала *Oxfam* газета *New York Times* в номере от 21 сентября 2011 года опубликовала гневную статью. На другой день Всемирный банк пообещал провести расследование. Это расследование так и не было проведено.

На момент написания этой книги – т. е. через четыре года после трагедии – о тех событиях не помнил почти никто, кроме пострадавших. После этого фермерам оставалось лишь удивляться всеобщему равнодушию.

Права богатых – против прав бедняков

Реальна ли эта история? Она реальна, за исключением места действия: события произошли не в округе Вуд, штат Огайо, а в округе Мубенде, Уганда. Всемирный банк способствовал там осуществлению лесоводческого проекта (в целях повышения доходов населения), однако в число его бенефициаров не вошли местные крестьяне, чьи права оказались грубо нарушены¹. Невозможно вообразить, чтобы подобная трагедия случилась в штате Огайо. Однако если бы она все же произошла, то вызванный ею протест быстро привел бы к справедливому наказанию виновных и к восстановлению прав пострадавших.

Формулируя в 1776 году текст Декларации независимости – самого известного в мире провозглашения политических идеалов, – Томас Джефферсон перечислил преступные деяния английского короля против его американских подданных: «Он грабил нас на море, опустошал

¹ Josh Kron, “In Scramble for Land, Group Says, Company Pushed Ugandans Out,” *New York Times*, September 21, 2011; Matt Grainger and Kate Geary, “The New Forests Company and its Uganda Plantations,” *Oxfam International Case Study*, 22 September 2011, <http://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/cs-new-forest-company-uganda-plantations-220911-en.pdf>, accessed September 6, 2013.

наши берега, сжигал наши города и лишал наших людей жизни». В целях предотвращения подобных злоупотреблений в будущем авторами декларации провозглашалось следующее:

Мы исходим из той *самоочевидной* истины, что *все люди созданы равными* и наделены их *Творцом* определенными *неотчуждаемыми правами*, к числу которых относятся *жизнь, свобода и стремление к счастью*. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых.

Похожие идеалы будут провозглашены народами других западных стран. Так, в Декларации прав человека, принятой Национальной Ассамблеей революционной Франции 26 августа 1789 года, авторы решаются

... изложить в торжественной Декларации естественные, неотчуждаемые и священные права человека... Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах... Свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому.

Это стремление к свободе возникает у людей далеко не богатых. Французы в 1789 году и американцы в 1776 году в среднем имели такой же доход на душу населения, как и сегодняшние жители Африки. Эти же идеалы свободы разделяют многочисленные сотрудники и управляющие Всемирного банка, основанного на том же Западе. Однако, обращаясь к странам, которые в разное время назывались то странами «третьего мира», то «слаборазвитыми странами», Всемирный банк от подобных формулировок воздерживается.

Разумеется, Всемирный банк не может избежать обсуждения *хотя бы некоторых* особенностей того правления, которое утвердилось в развивающихся странах. Уже много лет Всемирный банк публикует доклад, тема которого формулируется весьма обобщенно: «управление» (governance). В последнем таком докладе Всемирного банка за 2007 год говорится:

Реализация более эффективного подхода к процессу управления... потребует... тщательной разработки... системы подробного учета результатов, оценки их с точки зрения бюджетных и кадровых последствий... а также дальнейших консультаций с заинтересованными сторонами... Конкретные инициативы, необходимые для полного осуществления указанной стратегии, будут изложены в Плане реализации².

В ходе реализации этого «более эффективного подхода к процессу управления» почти не фигурируют (или играют незначительную роль) следующие понятия: *свобода, равенство, право и демократия*. Тот факт, что в докладах Всемирного банка эти понятия отсутствуют, – не случайность; это – часть его долгосрочной стратегии. На вопрос о причинах столь очевидного исключения понятия «демократия» из официальных документов Всемирного банка автор этих строк получил от пресс-службы банка следующее разъяснение. Использовать слово «демократия» Всемирному банку запрещает его собственный устав. Предыстория этого странного и показательного запрета прослеживается еще с 1940-х годов.

Равнодушие Всемирного банка к этим идеалам проявляется и в том, что он упорно отказывается взять на себя ответственность за поджог домов угандийских крестьян. Еще очевиднее безразличие банка обнаруживается в канцелярских формулировках, таких как «более эффективный подход к процессу управления», дополненный «рассмотрением его бюджетных и кадровых последствий». У жителей округа Мубенде есть веские основания сомневаться в том, что

² World Bank, “Strengthening World Bank Engagement on Governance and Anticorruption,” March 21, 2007, p. 33; <http://siteresources.worldbank.org/EXTPUBLICSECTORANDGOVERNANCE/Resources/GACStrategyPaper.pdf>, accessed September 6, 2013.

среди людей, которые «рождаются и остаются свободными и равными в правах», есть место и для них, простых африканских крестьян.

Технократическая иллюзия

Традиционный подход к экономическому развитию, призванному сделать бедные страны богатыми, основан на технократической иллюзии. Это вера в то, что бедность является технической проблемой, поддающейся чисто техническим решениям, таким как применение удобрений, антибиотиков или пищевых добавок. Эта вера видна в действиях Всемирного банка в округе Мубенде. Те же убеждения присущи организациям, занятым борьбой с глобальной бедностью, таким как Фонд Билла и Мелинды Гейтс, ООН, а также американские и британские агентства по оказанию международной помощи развивающимся странам.

Этот технократический подход игнорирует то, что автор этих строк считает действительной причиной бедности – неограниченную власть государства по отношению к лишенным прав беднякам. Например, в округе Мубенде, Уганда, методами улучшения лесного хозяйства предполагалось победить нищету. Однако такое техническое решение не годилось для жителей Мубенде. Технократическая иллюзия возможности решения экономических проблем лишь отвлекла внимание от нарушения прав крестьян угандийскими военными и Всемирным банком.

Движимые технократической иллюзией эксперты в области развития неосознанно придают легитимность и широкие полномочия государству как субъекту, призванному реализовать технические решения. Экономисты, ратующие за технократический подход, в своем восприятии власти проявляют большую наивность: они верят, что с ослаблением (или даже полным устранением) правовых ограничений та же власть по собственной воле останется добродетельной.

То, что раньше было богоданным правом королей, в наше время стало правом диктаторов на реализацию политики развития. Сегодня под такой политикой подразумеваются действия благонамеренных диктаторов, подсказанные техническими экспертами, – то, что в этой книге называется *авторитарным развитием*. Сам по себе термин «технократия» (синоним авторитарного развития), возникший в начале XX века, означает буквально «правление экспертов».

Ловкость рук, акцентирующая внимание на технических решениях при одновременном сокрытии нарушений прав реального человека, является моральной трагедией современного развития. Права бедняков – например, права угандийских крестьян на то, чтобы их фермы не были сожжены, – являются сами по себе безусловной нравственной ценностью. Нейтральных с моральной точки зрения подходов к решению проблемы бедности не существует. Всякий подход к вопросам развития предполагает либо уважение, либо нарушение прав бедных. Избежать этого морального выбора, ссылаясь на «свободную от идеологии политику, основанную на реальных данных» (популярная фраза из лексикона экспертов по вопросам развития) не представляется возможным.

Авторитарное развитие является трагедией и с точки зрения прагматизма. Как свидетельствуют история и современный опыт, свободные люди, обладающие политическими и экономическими правами, – назовем это *свободным развитием* – формируют эффективную систему решения проблем. Свободное развитие позволяет нам выбирать из множества стихийных решений и вознаграждать тех, кто разрешает наши проблемы наиболее удачным способом. Авторы подобных решений – будь то государственные учреждения или частный бизнес – достигают гораздо большего, чем диктаторы, реализующие предложенные экспертами проекты. Как мы увидим далее, свободное развитие смазывает скрипучее колесо истории, тогда как авторитарное развитие лишь стремится – порой с помощью тюремных камер и полицейских рейдов – заглушить «скрип» этого колеса.

Технократическая иллюзия объясняет бедность недостатком экспертных знаний, тогда как в реальности она вызвана недостатком прав и свобод. Акцент на нехватке экспертизы усугубляет проблему незащищенности прав, так как техническая проблема бедности (и отсутствие ее технических решений) является *симптомом*, а не *причиной* данного феномена. Автор утверждает, что причина бедности кроется в отсутствии политических и экономических прав, в отсутствии свободной политико-экономической системы, способной найти технические решения проблем бедняков. Авторитарный правитель, от которого эксперты ожидают технической реализации технических же задач, не является решением проблемы; напротив, он и есть сама проблема.

Анонимные апологеты авторитаризма

Надеюсь, я четко изложил авторскую позицию. Однако эта позиция может оказаться полностью ошибочной, так что приходится написать целую книгу, чтобы выяснить, поддерживают ли мораль, теория и эмпирические данные гипотезу о существовании тирании экспертов.

Сторонники авторитарного развития не рассматривают авторитаризм как самоцель. Они искренне верят, что авторитарный правитель покончит с проблемой бедности скорее, чем это сделает свободное общество. По их мнению, эксперты, консультирующие автократов, могут лучше самих бедняков судить о том, как следует решать их проблемы. Может быть, оно и верно – в конце концов, есть успешные истории развития, которые состоялись в отсутствие прав личности. И наоборот, есть много примеров того, как индивидуальные усилия (со стороны как богатых, так и бедных) не дали результатов. Часто бывает так, что прагматичные доводы в пользу свободного – т. е. неавторитарного – развития вступают в противоречие с нашими интуитивными ощущениями.

В течение многих десятилетий среди специалистов по вопросам развития бытует общее представление о «благожелательном диктаторе». Согласно этой концепции лидер может иметь неограниченную власть, но при этом предполагается, что его суждения о том, как распорядиться этой властью, являются прогрессивными. Для совершения благодеяний ему (а большинство автократов – представители сильного пола) необходима лишь экспертная консультация. В тех случаях, когда в стране, управляемой авторитарной властью, действительно наблюдаются позитивные явления – например, высокие темпы экономического роста или быстрое улучшение системы здравоохранения – заслугу в этом приписывают верховному правителю. Тем самым положительные результаты воспринимаются как фактические доказательства эффективности автократии. Эти предположения могут быть верными – возможно, для целей развития авторитарное правление и в самом деле эффективнее демократического (чреватого тупиковыми ситуациями). Однако эти предположения следует, по крайней мере, обсуждать. Такому обсуждению и посвящается настоящая публикация.

Иной раз поддержка авторитарного подхода к вопросам развития носит не явный, а имплицитный характер. Нередко она диктуется альтруистическими, а не корыстными соображениями. Автократов чаще поддерживают неосознанно, нежели умышленно. Никакого заговора против индивидуальных прав и свобод не существует. Я понимаю экономистов, которые в стремлении побороть глобальную бедность невольно популяризируют идею автократии, поскольку долгое время я сам был одним из ее сторонников.

История концепции авторитаризма

В этой книге представлена история идеи авторитарного развития. Как мы убедимся, спор между сторонниками авторитарного и свободного подходов все-таки имел место. Однако для специалистов по вопросам развития, в 1950-е годы возглавивших эту научную область, спор

был уже решен – победили сторонники авторитаризма. Хотя их оппоненты продолжали пылко отстаивать идею свободного развития, сообщество тех, кто занимается вопросами развития, как мы увидим, их уже не слушало. Не прислушивается оно к их мнению и сегодня.

Чтобы понять, как это случилось, обратимся к предыстории официального признания темы развития, т. е. к периоду до 1949 года, когда Гарри Трумэн впервые объявил об американской программе помощи иностранным государствам. Мы рассмотрим в основном малоизвестную историю идеи развития, какой она в начале XX века появилась в дореволюционном Китае и британских колониях в Африке. Нам предстоит стать свидетелями спора между первыми представителями того направления, которое позже назовут *экономикой развития*.

Когда идея развития была сформулирована впервые, откровенные расовые предрассудки помешали Западу увидеть альтернативу – свободное развитие на основе прав личности и индивидуальных усилий как перспективу для остального мира. Колониальная и полуколониальная политика Запада приводила к прямым нарушениям прав неимущих в третьем мире. Мы увидим, как технократический подход к идее развития позволил выдавать эту политику за набор технических мер по подъему благосостояния колониальных народов.

Несмотря на исчезновение явных проявлений расизма и колониализма, притягательность технократических идей в обществе сохраняется. История позволяет нам исследовать политические мотивы, которыми зачастую определялся исход каждого такого идеологического спора. Оказалось, что идеи технократического развития находят отклик в самых разнообразных заинтересованных кругах – от откровенных расистов и колонизаторов Запада, с одной стороны, до лидеров национально-освободительных движений, выступающих против расизма и колониализма, – с другой. В богатых странах эти идеи оказались довольно привлекательными не только для благотворительных и гуманитарных организаций, желавших покончить с глобальной бедностью, но и для тех, кого волнуют лишь интересы собственной внешней политики и национальной безопасности.

Идеи технократического развития находили понятный отклик у социальной группы, которая благодаря этим идеям наращивала свое влияние, – у группы экспертов по вопросам развития. Как мы увидим, большинство экономистов в 1950-е годы, еще до формального признания самой этой темы, преисполнились миссионерским рвением в надежде быть «рукоположенными в сан» экспертов по вопросам развития. В то же время немногие – и ныне почти забытые – исследователи взяли на себя смелость сопротивляться технократическому соблазну.

Большинство наблюдателей согласны с тем, что вопрос о том, какие страны получают иностранную помощь (т. е. пожертвования богатых государств менее развитым странам) и в каком объеме, в период холодной войны решался в соответствии с политическими интересами США. Легко заметить, что идеи, служившие основанием для оказания такой помощи, были политически выгодны великим державам уже задолго до начала холодной войны. Те же политические интересы сохраняют актуальность и сегодня, когда идет война с терроризмом.

Идеи, имевшие политическую мотивацию, в этой книге с порога не отвергаются. Никто не является полностью независимым от политической повестки, которая, в свою очередь, не исключает автоматически соображений альтруизма. Я хотел бы обсудить все эти идеи по существу, т. е. вне связи с политикой. Однако политические мотивы объясняют, почему подобное содержательное обсуждение важных идей случается столь редко.

Надежда на новые исследования

Дискуссий между сторонниками авторитарного и свободного развития не проводилось в течение шести десятилетий. Но вдохновляет и обнадеживает тот факт, что сегодня часть экономистов «выступает за хороших парней». Новая волна исследований в сферах экономической истории, политики, культуры, технологий и институтов произвела достаточное количе-

ство научного материала, чтобы дискуссия наконец состоялась. Наряду с анализом того, как авторитарное развитие стало – с молчаливого общего согласия – орудием уменьшения масштабов бедности в мире, новые исследования реконструируют историческую роль, которую в этом деле сыграла противоположная концепция свободного развития.

Угроза авторитарному консенсусу возникает в связи с новыми исследованиями – в трех аспектах, которые уже проявлялись в ходе «протодискуссии», не получившей развития. Одним из этих аспектов является акцент на истории. Технократические решения игнорируют историю как предмет малозначимый, т. е. выражают взгляд, который можно назвать «*теорией чистого листа*». Между тем история не теряет актуальности. Чтобы показать, например, как случившийся в XII столетии перелом в восприятии личной свободы влияет на жизнь современной Италии, авторы новых исследований обращаются к далекому прошлому (к итогам сражения в северной Италии в 1176 году). Противники «теории чистого листа» признают значимость истории и призывают делать из нее должные выводы. Это позволяет самой истории служить доказательством в пользу – либо, наоборот, против – идеи авторитарного развития.

Вторым аспектом новых исследований является акцент на общемировых (а не национальных) факторах, таких как технологии, ценности и сетевые контакты, – то, что мигранты переносят из одной страны в другую. Здесь мы познакомимся с такими удивительными явлениями, как сенегальское религиозное братство, пустившее корни в крупных городах Запада. Эти – и многие другие факты и результаты научных исследований – проливают свет на важную дискуссию по вопросам развития, происходящую между апологетами полномочий государства и защитниками прав граждан.

Наконец, третий аспект: новые исследования доказывают значимость стихийных решений, принимаемых в политической, экономической и технологической сферах. Как выяснилось, если в стране соблюдаются права человека, то там появляются новые общественные услуги, новые рынки сбыта и новые технологии. Это ставит под вопрос традиционную веру в решающую роль «благонамеренных автократов» во многих историях успеха. Например, подъем Китая как экономической сверхдержавы можно – с еще большим основанием – объяснять не столько экономической политикой Дэн Сяопина, сколько распространением картофеля в китайских деревнях. Анализ такого явления позволит нам наконец провести крупнейшую дискуссию по вопросам развития между сторонниками планового государственного подхода – и поборниками стихийных индивидуальных решений.

Как ни странно, большинство экономистов, участвовавших в новых исследованиях, не стремились решать проблему глобальной бедности; они лишь хотели лучше понять и объяснить мир. Не имели они представления и о важной – но за шесть десятилетий так и не состоявшейся – дискуссии между сторонниками авторитарного и свободного развития. Поэтому сообщество экспертов по вопросам развития – в лице официальных агентств помощи и благотворительных фондов – сохранило приверженность авторитарному консенсусу. Однако на этот раз у нас имеется научный материал, позволяющий возобновить дискуссию о развитии, не забывая при этом о правах бедных.

Небезопасная дискуссия

Задуманный нами «поход за истиной» в споре между сторонниками авторитаризма и свободы может оказаться небезопасным, ибо сложившийся консенсус в отношении вопросов развития имеет (как мы увидим) долгую историю дискредитации и подавления взглядов оппонентов. Из-за множества заблуждений альтернативные взгляды остаются неуслышанными. Полезно перечислить эти заблуждения:

Вы повторяете избитый тезис о том, что свободные рынки несовместимы с государственным вмешательством. Это – важный спор на тему развития, кажущийся связанным с

дискуссией сторонников авторитаризма и свободы. Однако это – *не одно и то же*, ибо в споре «рыночников» с «государственниками» ничего не говорится о приоритете государства над личностью. Рынок в лице своих сторонников хочет, чтобы государство предоставило ему больше свободы. Например, оно может отменить тарифы, защищающие те или иные отрасли, так что их дальнейшую судьбу определит свободная торговля. Государство может отменить и контроль над ценами, уровень которых определит рынок. Регулируя цены на основные товары, оно стремится защитить бедных, а промышленную политику использует для выбора наиболее перспективных отраслей, способных вывести экономику на путь развития.

Тем не менее на права государства не покушается ни одна из сторон этого спора. Независимо от того, кто в нем выйдет победителем, государство сохранит возможность безнаказанно нарушать права граждан. В случае победы сторонников рынка вопрос о том, какую политику считать «рыночной», будет все так же решать руководитель государства. Он же определит, кто именно – и какими правами – может временно пользоваться (например, правом свободно торговать, с кем хочешь). Если за людьми не признается равенство прав во всех сферах деятельности, а власть государства не имеет ограничений, то права личности не гарантированы.

В споре «рыночников» с «государственниками» обе стороны разграничивают экономическую и политическую свободы, поскольку на каждой стороне есть силы, утверждающие примат одного вида свободы над другим. Впрочем, они не могут договориться о том, какая из свобод важнее. Однако если это разграничение и полезно с точки зрения аналитика, то идеальной является лишь единая концепция свободы. Когда Всемирный банк и правительство Уганды сгоняли с родной земли крестьян округа Мубенде, то чем это было – нарушением их экономических или политических прав? Эти права трудно разделить: попрание прав собственности нарушает экономическую свободу граждан, а вооруженное подавление протеста нарушает их политическую свободу.

Всякий раз, упоминая *права личности*, автор подразумевает как политические, так и экономические права, по традиции соблюдаемые в современных зрелых демократиях. Длинный перечень этих прав и свобод включает политическую свободу от незаконного ареста наряду с экономической свободой от конфискации имущества; политическую свободу собраний – и экономическую свободу торговли; политическую свободу менять плохих государственных чиновников на хороших – и экономическую свободу выбирать между частными поставщиками товаров и услуг.

Ваши утверждения – не более чем идеология. В общественном восприятии ученый, затрагивающий вопросы развития, вступает на скользкий путь. Если в своих работах вы отклоняетесь от политической линии, которую академический истеблишмент считает центральной, то рискуете прослыть носителем той или иной *идеологии*. Порой аудитория ищет в текстах кодовые слова, по которым автора можно счесть сторонником экстремальных взглядов. Стоит вам несколько раз употребить слово «рынок», и вы – противник всякого государственного вмешательства в экономику. Если вы часто говорите о свободе, то вы – сторонник крайне правой идеологии. Сошлитесь на книгу Фридриха Хайека «Дорога к рабству» – и вы демагог, место которому – на телевизионных ток-шоу.

Реже признается тот факт, что исследователь рискует быть причисленным к другому – левому направлению. Если вы регулярно упоминаете понятия *колониализм, расизм, империализм* как все еще важные для уяснения вопросов развития в их прошлом и настоящем, то легко можете прослыть «левацким» идеологом.

Я надеюсь отвлечь читателя от поисков кодовых слов, поскольку сам в них не верю. Разумеется, в жизни встречаются сторонники теории заговора, идеологи превосходства белой расы и прочие экстремисты, которых следует исключить из списка выступающих. Однако если мы слишком резко отсечем все крайние мнения, то будем вечно воспроизводить консенсус, истоки которого останутся неясными. В этой истории примечательно то, что мятеж против

технократического консенсуса поднимают представители обоих флангов – как левого, так и правого, – которые почти по всем иным вопросам придерживаются, как правило, противоположных взглядов.

Вы боретесь с несуществующим противником. Помимо этой отговорки, саботировать ведение дискуссии помогают, например, следующие формулировки: «истина лежит где-то посередине», или «в сущности, между нашими позициями нет существенной разницы», или «с вашими доводами вы ломитесь в открытые двери».

Иногда полезно взглянуть на предмет спора с крайних позиций, которых обе стороны стремятся всячески избегать. Рассмотрим две противоположные идеи развития: (1) план, сознательно осуществляемый лидером одного из государств третьего мира при содействии западных экспертов, и (2) результат множества стихийных решений независимых индивидуумов. Возможно, среди исследователей никто не придерживается первой концепции в ее крайнем варианте, но большинство отвергает концепцию (2) решительнее, чем первую, опасаясь (ошибочно), что вторая концепция не оставит им поля для деятельности. Непримируемость, с которой они отвергают одну крайность, представляет другую крайность более приемлемой, лежащей ближе к середине и, следовательно, менее пугающей.

Порой в этой книге упоминается «консенсус» самопровозглашенного сообщества экспертов по развитию. В это сообщество (development community) входят политические аналитики, интеллектуалы, пишущие для широкой аудитории, экономисты и представители других общественных дисциплин. Его границы определяются кругом лиц – сотрудников западных правительственных организаций помощи бедным странам, международных агентств содействия развивающимся странам (таких, как Всемирный банк), аналитических центров (таких, как Институт Брукинга), филантропических фондов (таких, как Фонд Билла и Мелинды Гейтс) и консультантов всех этих учреждений. В состав этого сообщества не входят ученые-экономисты, занятые чисто академическими исследованиями вопросов развития, если только они не выполняют научную работу для учреждений, перечисленных выше.

Идея группового консенсуса, остающегося стабильным в течение долгого времени, является упрощением – таким же, каким было в нашей дискуссии противопоставление крайних позиций. Разумеется, со временем в рамках такого консенсуса происходят изменения и появляются разные точки зрения. Тем не менее подобные упрощения необходимы для прояснения вопросов, вызывающих наибольшие теоретические споры.

Спорным является и содержание консенсуса. В его описании я опираюсь на собственный тридцатилетний опыт изучения вопросов развития, на материалы многочисленных академических трудов по этой теме, а также на прямые цитаты из официальных источников, которые я представляю по ходу повествования.

Задача этой книги – начать долгожданную дискуссию. И неважно, насколько представительным окажется консенсус, а также какую позицию и кто именно займет в теоретическом пространстве между крайними мнениями.

Какова же повестка дня?

Еще одним способом подавления альтернативных мнений является приписывание оппоненту несуществующих взглядов и суждений. Поэтому автор считает полезным разъяснить, чем настоящая книга *не является*.

Эта книга не об идеологических спорах в богатых странах. Существует масса книг о спорах между левыми и правыми в США и других развитых странах. В основном эти споры сводятся к противопоставлению рынка и государства (как описано выше). Кроме того, авторы часто увлекаются конкретными спорами по таким конкретным вопросам, как право на аборт, контроль над огнестрельным оружием или неприкосновенность частной жизни. Эта книга не

о таких спорах. Ни консерваторы, ни либералы в богатых обществах не ставят под сомнение самоочевидный факт существования «неотчуждаемых прав» для обеспеченных граждан – хотя и те и другие могут, конечно, расходиться в определениях (и способах реализации) конкретных прав. Тем не менее автор утверждает, что их идея развития не предполагает – даже в качестве отправной точки – наличия неотъемлемых прав бедняков. Именно этот вопрос требует обсуждения и именно к такой дискуссии призывает наша книга.

Эта книга никому не вменяет вину по ассоциации. Понимание истории развития предполагает борьбу с расизмом и колониализмом. Однако те, кто сегодня придерживается мнений, когда-то типичных для расистов и колонизаторов, – например, что бедняки равнодушны к собственным правам – не объявляются по ассоциации виновными в расизме и колониализме. Хотя история идей важна, она не отмечает автоматически те из них, которые имеют сомнительное происхождение. Один из парадоксов истории идей состоит в том, что одни и те же идеи могут *одновременно* находить отклик у сторонников и противников расовых теорий или у сторонников и противников колониализма.

Эта книга не о расширении правовых границ. Помимо приведенного выше традиционного определения индивидуальных прав, имеется ряд предложений расширить эти границы за счет дополнительных прав, таких как право на питание или право на медицинское обслуживание. Ведутся споры о том, подходит ли сам термин «право» для таких случаев. Ваш автор не участвует в этом споре, который подробно освещен во многих других публикациях, например, в классическом труде «Развитие как свобода» нобелевского лауреата по экономике Амартьи Сена.

Эта книга не руководство для сотрудников гуманитарных и благотворительных организаций. Автор пишет не о том, «что делать, чтобы покончить с бедностью». Да, своей книгой он преследует ту же цель, что и сотрудники гуманитарных и благотворительных организаций: ликвидацию бедности. Однако требование, чтобы дискуссии на эту тему немедленно приводили к тем или иным гуманитарным действиям, препятствует прояснению нашего мышления. Любым действиям должны предшествовать понимание вопроса и выработка принципиального к нему отношения. Именно этим задачам – а не предложению конкретных акций – посвящена наша книга. Да, я тоже опасаюсь бездействия и безразличия в отношении трагической ситуации с глобальной бедностью. Однако следует в той же степени опасаться и неверных действий, способных в случае неудачи породить в нас еще большее безразличие и разочарование. Крайне важно, чтобы действиям предшествовала выработка принципов, и именно эту цель ставит перед собой автор. По прочтении книги читатель с большим основанием сможет судить о том, почему всем нам необходимо сосредоточиться на поиске этих принципов.

Эта книга не разоблачение академического сообщества. Обсуждаемые в этой книге персонажи – эксперты и технократы – не являются научными исследователями. Это – группа политических консультантов, интеллектуалов, которые пишут для широкой аудитории, сотрудников гуманитарных агентств, благотворительных фондов и мозговых трестов, а также отдельные экстравагантные миллиардеры. То есть речь идет об уже известном «сообществе специалистов по вопросам развития». Разумеется, и академическое сообщество далеко не идеально, но в отношении исследований по общественным наукам я могу отметить много хорошего. По моему мнению, большинству исследователей присущи исключительная честность и академическая строгость. Разумеется, некоторые из них (в том числе и ваш автор) посвящают себя публичной деятельности, а другие становятся государственными чиновниками. Однако под определение «технократ» они могут подпадать лишь в последнем случае. И лишь в качестве общественных деятелей или госчиновников могут они участвовать в великом споре между сторонниками теорий авторитарного и свободного развития.

Эта книга не ставит под сомнение экспертные знания как таковые. Если в моем туалете поломается бачок, то я вызову мастера-сантехника и отблагодарю его за работу. Если я

заболею, то обращусь к врачу-специалисту и тоже поблагодарю его за квалифицированный совет. Населению беднейших стран мира эксперты в области санитарии, здравоохранения и образования приносят огромную пользу. Разумеется, медикаменты и противомоскитные сетки сохраняют миллионы жизней. Эта книга не отвергает экспертные знания. Речь в ней идет о том, что специалистам в области развития присущи разные амбиции – конструктивные и деструктивные – и что эти особенности необходимо учитывать.

Я попытаюсь подробнее изложить нашу теоретическую дискуссию с помощью противоположных взглядов двух ученых, ставших лауреатами премии памяти Нобеля по экономике в один и тот же день. В дискуссии на тему развития они были яркими представителями противоположных мнений по поводу индивидуальных прав, хотя лично никогда не сталкивались в этой полемике. Когда мы изучим их взгляды, нам станет яснее, сколь высоки были ставки в этом споре. Кроме того, мы поймем, почему один из них хотел, чтобы спор состоялся, а другой – нет.

Глава 2. Два нобелевских лауреата – и диспут, которого не было

В декабре 1974 года в Стокгольме на церемонию вручения Нобелевской премии по экономике прибыли два человека. Оба они – почти ровесники, родившиеся с полугодовой разницей в Западной Европе три четверти века назад, – приближались к завершению длительной научной карьеры. Эти двое были знакомы с 1931 года, и оба занимались изучением вопросов экономического развития.

Фридрих Хайек писал на тему экономического развития еще до того, как она была официально признана. Он работал в XX веке в обстановке грандиозного противостояния либеральных ценностей Запада, с одной стороны, и идеологий фашизма и коммунизма – с другой. Это столкновение заставило его сформулировать свои взгляды на права личности как на самодостаточную цель – и одновременно как на средство, позволяющее свободным гражданам в свободном обществе решать многие свои проблемы. Хайек описывал эти решения – в том числе касающиеся предложения товаров частным бизнесом и предоставления услуг государством – как результат экономической и политической конкуренции.

По вопросу о том, как общества переходят от бедности к богатству, Хайек и Мюрдаль придерживались разных мнений. Пожалуй, лучше всего их разногласия отражены в их противоположных взглядах на роль индивидуальных прав в экономическом развитии общества.

В своих научных публикациях Мюрдаль никогда не придавал индивидуальным правам сколько-нибудь важной роли в вопросах экономического развития. По его мнению, бедные не только не заинтересованы в отстаивании своих прав, но и неспособны на активное проявление личной инициативы, даже если бы эти права у них были. Он полагал, что для достижения целей развития странам третьего мира с их «преимущественно неграмотным и апатичным населением» необходимы сильные национальные правительства³. Мюрдаль утверждал, что даже такие нарушения личных прав, какие происходят «в авторитарных условиях советского коммунизма», нередко «удовлетворяют определенным склонностям населения подобных стран... на протяжении веков приученного подчиняться приказам властей»⁴.

Мюрдаль считал, что усилия в области развития останутся «в значительной мере неэффективными», если не будут опираться на «правила, обеспеченные принуждением», т. е. «обязательства, налагаемые на граждан и поддерживаемые силой»⁵. Например, для роста производства нужны большие капиталовложения в отрасли машиностроения, но население может отказаться сберегать в объемах, необходимых для финансирования таких инвестиций. Тогда правительству придется прибегнуть к принудительному сбережению, изымая часть доходов населения через налоги и накопительные схемы, что обеспечит необходимые инвестиции. Точно так же предлагаемые экспертами новые технологии повышают продуктивность сельского хозяйства, но нет уверенности, что крестьяне будут внедрять их добровольно. В таком случае правительству для увеличения объема производства следует вводить улучшенные сорта сельскохозяйственных культур и породы домашнего скота, «даже если для этого потребуются забить часть беспородного и недокормленного стада»⁶.

³ Gunnar Myrdal, *Development and Under-Development: A Note on the Mechanism of National and International Inequality* (Cairo: National Bank of Egypt, 1956), p. 65.

⁴ Gunnar Myrdal, *An International Economy: Problems and Prospects* (New York: Harper, 1956), 145.

⁵ Gunnar Myrdal, *Asian Drama: An Inquiry into the Poverty of Nations*. 3 vols. (New York: Twentieth Century Fund, 1968), цит. по: P. T. Bauer, *Dissent on Development: Studies and Debates in Development Economics* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1976), 187.

⁶ *Ibid.*, 189.

Напротив, Хайек долгие годы писал о том, что права личности сами по себе являются ценностью – и вместе с тем средством, при помощи которого общество выбирается из нищеты к процветанию. Он приветствовал переход от «жестко организованной иерархической системы» к системе, при которой люди «сами формируют условия собственной жизни», как основу процветания Запада⁷. Хайек отмечал, что его ужасали современные ему фашистские и коммунистические режимы, при которых «личность служит лишь средством реализации целей высшего порядка, именуемых общественными или национальными интересами». Отсюда проистекают «пренебрежение к жизни и счастью конкретного человека», а также «нетерпимость и жестокое подавление инакомыслия»⁸.

Хайек в равной степени осуждал как «преклонение перед властью», так и «оголтелый национализм». Он порицал тех, кто не защищает личность от «произвола власти», пока эта власть используется для достижения – как они полагают – «правильных целей». Для тех, кто делает из Хайека «икону» правой идеологии, ирония судьбы состоит в том, что его критические стрелы были направлены против *консерваторов*⁹.

Каковы же были те «правильные цели», ради которых, как опасался Хайек, консерваторы воспользуются орудиями государственной власти? Хайек продолжал атаковать «антидемократические» консервативные силы, которые отстаивают права «ограниченной элиты»¹⁰ и ради защиты правящего меньшинства от экономических перемен используют «привилегии, монополию и прочие средства государственного принуждения»¹¹. От такого разворота событий Хайек принципиально ограждал права личности, являющиеся постоянным генератором новых возможностей для людей, а значит, постоянным источником смены политических и экономических элит. Для Хайека «единственная прогрессивная политика – это по-прежнему политика, направленная на достижение свободы личности»¹². Хайек не мог также примириться ни с консерваторами, использующими власть государства для навязывания гражданам обязательных принципов поведения или националистических настроений, ни с теми, кто считает себя «вправе предписывать другим собственные моральные ценности»¹³. Как мы убедимся ниже, он видел опасности, которыми такое использование государственной власти чревато для меньшинств – носителей иных этнических, культурных или нравственных кодов. Продолжая выступать против консерваторов – но отмечая, что его критика касается и прогрессистов, – Хайек высмеивал теоретиков империализма и колониализма, считающих «свой путь развития наилучшим из возможных» и видящих задачу в том, чтобы «цивилизовать другие народы» с помощью такого благодеяния, как «эффективное управление»¹⁴.

Долгие десятилетия Хайек и Мюрдаль придерживались противоположных взглядов. Хайек очень четко дал понять, почему он отвергает взгляды Мюрдаля наряду с аналогичными взглядами. При этом Мюрдаль никогда не оспаривал тезис о том, что индивидуальные права с точки зрения развития имеют решающее значение. В его объемистых сочинениях ответа на этот аргумент Хайека (или кого-либо еще) мы не найдем. Он утверждал, что его подход к про-

⁷ F. A. Hayek, *The Road to Serfdom: Text and Documents; The Definitive Edition*, ed. Bruce Caldwell. Volume 2, *The Collected Works of F. A. Hayek* (Chicago: University of Chicago Press, 2010), Kindle edition, location 1740; Ф. А. фон Хайек. *Дорога к рабству* (Москва: Новое издательство, 2005), 42.

⁸ Ibid., 4038; там же, 153.

⁹ F. A. Hayek, *The Constitution of Liberty: The Definitive Edition*, ed. Ronald Hamowy, *The Collected Works of F. A. Hayek*, Volume 17 (Chicago: University of Chicago Press, 2011), Kindle edition, locations 13822, 13901, 13836.

¹⁰ Ibid., 13869.

¹¹ Ibid., 13862–13863.

¹² Hayek, *Road to Serfdom*, 5842; Хайек, *Дорога к рабству*, 227.

¹³ Hayek, *Constitution of Liberty*, 13840–13841.

¹⁴ Ibid., 13920.

цессу развития «снискал единодушное одобрение со стороны правительств и экспертов в развитых странах»¹⁵.

Как ни странно, ссылка Мюрдаля на «единодушное одобрение» оказалась справедливой. Как мы увидим в следующих главах, к 1950 году среди «правительств и экспертов» Запада по поводу развития стран третьего мира выработался консенсус. Общая поддержка курсу на авторитарное развитие среди экспертов достигалась за счет того, что противники такого курса объявлялись не принадлежащими к этой категории специалистов. Поэтому-то столкновения позиций Хайека и Мюрдаля по вопросам развития так никогда и не произошло. Тем единственным спором, который имел место, был спор между сторонниками государственного вмешательства [в экономику] и сторонниками свободного рынка. Однако, как мы увидим, этот спор был совсем не равнозначен дискуссии о роли индивидуальных прав. Такой дискуссии применительно к вопросам развития (которую мы лишь попытались вообразить) в действительности никогда не было. Не слышно ее и в настоящее время.

Хайек бежит от нацистов

Чтобы понять, почему Хайек был столь озабочен защитой прав личности, стоит вспомнить историю его жизни. Фридрих Август фон Хайек родился 8 мая 1899 года в Вене, столице тогдашней Австро-Венгерской империи. Его родители происходили из мелкопоместных дворян, так что Хайек имел полное право на аристократическую приставку «фон». В 1919 году дворянские титулы были упразднены, и фамилия «Хайек» стала писаться без приставки (впрочем, многие оппоненты продолжали называть Фридриха Августа «фон Хайек», подчеркивая его сословное происхождение в надежде вызвать этим негативные ассоциации)¹⁶.

Первый контакт с англоязычным миром возник у Хайека в 24 года, после того как в Вене он познакомился с Иеремией Дженксом, профессором Нью-Йоркского университета. Дженкс предложил Хайеку поработать в Америке в качестве научного ассистента. Пребывание Хайека в Нью-Йорке продлилось с марта 1923 года по май 1924 года и имело два важных последствия¹⁷. Во-первых, Хайек освоил английский язык; во-вторых, углубил свои познания в англоязычной экономической литературе. Последнее позволяло ему всегда быть в курсе мировых достижений в сфере экономики, первое – открывало доступ к международной аудитории, особенно в Соединенных Штатах и в Великобритании.

Вернувшись в Вену, Хайек окунулся в ее бурную интеллектуальную атмосферу. В Вене существовала одна из крупнейших еврейских общин Европы, и ее члены были широко представлены в научных кругах. Впоследствии Хайек писал: «трудно переоценить, сколь многим я обязан... знакомству... с еврейской интеллигенцией Вены... чей академический и общекультурный уровень далеко превосходил мои скромные личные достижения»¹⁸.

В 1930-е годы партия австрийских нацистов развивалась по примеру немецких нацистов Гитлера (который и сам, как мы помним, был по происхождению австрийцем). Большинству австрийских евреев – друзей Хайека – пришлось отправиться в эмиграцию. Одним из первых эмигрантов стал его близкий друг Фриц Махлуп. В письме от 1 мая 1936 года Хайек писал Махлупу о Вене: «Быстрота интеллектуальной капитуляции и политического распада... потря-

¹⁵ Gunnar Myrdal, *Economic Theory and Under-Developed Regions* (London: Duck-worth, 1957), 84.

¹⁶ Bruce Caldwell, *Hayek's Challenge: An Intellectual Biography of F. A. Hayek* (Chicago: University of Chicago Press, 2008), Kindle edition, location 2744. Еще одна сложность с написанием его фамилии возникла в связи с тем, что, переходя в подданство Великобритании, Хайек в качестве документа представил свидетельство о рождении, где был записан как *фон Хайек*, что и стало его официальной британской фамилией.

¹⁷ Leif Wenar, ed., *Hayek on Hayek: An Autobiographical Dialogue* (Oxford: Taylor and Francis, 2007), Kindle edition, location 1306.

¹⁸ *Ibid.*, 1164–1170.

сает»¹⁹. Сам Хайек к тому моменту нашел прибежище в Лондонской школе экономики, где ему предложили должность. С 1 марта 1933 года Хайек, еще мало кому известный 34-летний экономист, приступает к преподаванию в Лондонской школе экономики.

Месяцем ранее к власти в Германии пришел Гитлер. За день до того, как Хайек прочел первую лекцию в Лондонской школе экономики, Гитлер, в качестве предлога сославшись на поджог Рейхстага, требует от президента Гинденбурга подписать декрет такого содержания: «На основании пункта 2 статьи 48 имперской конституции в целях противодействия коммунистическим актам насилия, представляющим угрозу для государства, постановляется следующее: [...] ограничения свободы личности, свободы выражения мнений, включая сюда свободу печати, право союзов и собраний, [...] производство обысков и конфискаций, а также ограничения права собственности, допускаются независимо от пределов, обычно установленных законом»²⁰.

Хайек был одним из первых в волне беженцев из стран Центральной и Восточной Европы – частью знаменитых, частью ныне забытых, – которые в 1940-е и 1950-е годы писали о происхождении и природе тоталитаризма: Ханна Арендт, Исая Берлин, Майкл Полани, Карл Поппер и Якоб Талмон. Они оспаривали расхожее мнение, согласно которому тоталитарные (нацистский и коммунистический) режимы находятся на противоположных концах политического спектра. Хайек – как и его единомышленники – полагал, что оппозицию в этом спектре составляют не крайне правые и крайне левые доктрины, а идеи индивидуализма и коллективизма, которым соответствуют либерализм на одном фланге – и фашизм вместе с коммунизмом на другом. Сталина и Гитлера объединяло характерное для обоих режимов насильственное подавление личности ради коллективных целей.

Хайек почувствовал это едва ли не сразу после прихода нацистов к власти. В докладной записке, поданной руководству Лондонской школы экономики весной 1933 года, Хайек указал на единые для Германии и России принципы «всеобщего принуждения» и «нетерпимость и грубое подавление всякого инакомыслия». Он отметил, что «фундаментальное методологическое и идейное сходство» Германии и России скрывается за различиями во фразеологии и отборе привилегированных групп»²¹. Позднее Хайек вспоминал, какое воздействие успехи австрийских нацистов произвели на интеллектуальную жизнь Вены, особенно на ее университет: «... в начале 1930-х годов эта жизнь замирает, причем не только в сфере экономической науки, а повсюду»²². В 1938 году, осознав, что его любимый город при нацистах лишен будущего, Хайек переходит в британское подданство. До конца своей жизни он больше в Вене не появится.

Тревога за судьбу друзей и коллег, пребывавших под властью нацистов, не оставляла Хайека. Его научный руководитель, Людвиг фон Мизес, был евреем. В 1934 году он смог перебраться из Вены в Женеву, где ему предложили работу, но с началом войны Швейцария перестала быть безопасным местом, так как ее власти выдавали австрийских евреев нацистам. Менее чем через месяц после Дюнкерка, 21 июня 1940 года, Хайек писал Махлупу: «Сейчас меня больше всего тревожит вопрос: смог ли Мизес... вовремя покинуть Женеву... Последнее письмо он отослал в конце мая и тогда надеялся выехать со дня на день. Я постарался через друзей во Франции достать ему транзитную визу, но боюсь, что она будет готова слишком поздно, и лишь надеюсь, что Мизес... успел вылететь по маршруту Локарно – Барселона до

¹⁹ Sylvia Nasar, *Grand Pursuit: The Story of Economic Genius* (New York: Simon and Schuster, 2011), p. 375

²⁰ German History in Documents and Images, Volume 7, *Nazi Germany, 1933–1945*, Decree of the Reich President for the Protection of the People and State (“Reichstag Fire Decree”), February 28, 1933, http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/pdf/eng/English%203_5.pdf, accessed September 4, 2013.

²¹ Hayek, *Road to Serfdom*, 5974, 5991; Хайек, *Дорога к рабству*, 153.

²² Wenar, *Hayek on Hayek*, 1011–1014.

его закрытия»²³. Лишь спустя некоторое время Хайек получил сведения о том, что Мизесу все же удалось эмигрировать.

«Дорога к рабству»

Из нашей книги читатель узнает о многих отговорках, применявшихся ради того, чтобы не допустить идейного спора между сторонниками свободного развития, с одной стороны, и авторитарного развития – с другой. Самой яркой иллюстрацией этого является судьба другой книги, вышедшей 70 лет назад и ставшей одной из самых известных и противоречивых публикаций XX века. У автора книги было много учеников и коллег – известных экономистов со специализацией в вопросах развития. Его высказывания являются принципиальной критикой технократической концепции – и вместе с тем защитой индивидуальных прав как инструмента преодоления бедности. Однако книга и ее автор так и не получили отклика со стороны теоретиков, занятых проблемами развития; они просто проигнорировали и автора, и его книгу.

Автора звали Фридрих Хайек, а книга, вышедшая в 1944 году, называлась «Дорога к рабству». Причина, по которой Хайек был проигнорирован, состояла в том, что он предположительно подразумевал «скользкий путь», по которому любое вмешательство государства в экономику низвергнет общество в тоталитаризм. Я не согласен с этой идеей. Я также не верю, что Хайек его постулировал (сам он это тоже отрицал). Однако даже если бы Хайек так думал, то это не повод отвергать все другие его идеи. Если бы мы отказались от всех позитивных идей любого мыслителя, у которого возникали ошибочные – или даже вредные – мысли, то у нас почти не осталось бы хороших идей.

Многим позиция Хайека показалась неоднозначной потому, что «Дорога к рабству» была пронизана духом алармизма. Автор предостерегал против угрозы свободе в Соединенном Королевстве – угрозы, нарастание которой после Второй мировой войны он считал реальным. Учитывая, что Хайек стал свидетелем поражения культуры (символом которой была любимая им Вена) в столкновении с нацизмом, можно простить ученому его избыточный алармизм. Как известно, сторонники как левых, так и правых идей нередко делают алармистские заявления о том, что произойдет, если они не будут услышаны. Однако с репутацией Хайека, как мне кажется, произошло следующее: его алармизм совпал с алармизмом правого крыла Республиканской партии в США, а поскольку оно опасалось как нового курса, так и угрозы коммунизма, взгляды Хайека стали отождествлять с позицией крайне правых.

Есть печальная ирония в том, что человек, совершивший переворот в традиционном понимании различий между правыми и левыми идеологиями в рамках спора о роли индивидуальной свободы, в известных кругах долго считался сторонником реакционных идей. В действительности, как отмечалось выше, есть множество свидетельств, что Хайек – вопреки утверждениям оппонентов – не был консервативным идеологом. В «Дороге к рабству» он выступал в поддержку далеких от консерватизма требований, таких как право на прожиточный минимум, гарантированный государством: «нет никакого сомнения, что определенный минимум в еде, жилье и одежде, достаточный для сохранения здоровья и работоспособности, может быть обеспечен каждому»²⁴.

В сущности, Хайек выступал с осуждением тех самых кругов, с которыми его отождествляли оппоненты. В предисловии к американскому изданию 1956 года «Дороги к рабству» он обвинял британских консерваторов в приверженности «патерналистским и националистическим тенденциям»... склонности к «преклонению перед сильной властью»... одержимо-

²³ F. A. Hayek, *Studies on the Abuse and Decline of Reason*, ed. Bruce Caldwell. Volume 13, *The Collected Works of F. A. Hayek* (Chicago: University of Chicago Press, 2010), Kindle edition, locations 8903–8908.

²⁴ Hayek, *Road to Serfdom*, 3601; Хайек, *Дорога к рабству*. С. 130.

сти «традиционализмом, антиинтеллектуализмом, а подчас и мистицизмом»²⁵. Впоследствии Хайек сам признавал, что внимание некоторых последователей, с которыми он не был согласен, обходилось ему недешево: «то, как это все [прочтение „Дороги к рабству“] происходило [в Соединенных Штатах], в очередной раз доказывало справедливость слов лорда Актона о том, что „во все времена истинные друзья свободы были редки, и своими триумфами она была обязана меньшинству, которое одерживало победу, объединяясь с другими, чьи цели часто отличались от их собственных; и это объединение, всегда опасное, подчас приводило к катастрофе“»²⁶.

Содержащаяся в этой книге аргументация не касается дискуссии между правыми и левыми в американской внутренней политике; не направлена она и на защиту Хайека как такового. Меня интересуют лишь некоторые его идеи, ценные сами по себе. Весь смысл этого раздела состоит в том, чтобы показать: у нас нет оснований автоматически отвергать идеи Хайека как экстремистские. Оставляя в стороне неоднозначность некоторых его утверждений, мы здесь рассматриваем позитивные идеи «Дороги к рабству», многие из которых опровергают расхожее мнение об этой книге. В той части, где автор не поддается алармизму, книга представляет собой защиту прав личности и объяснение того, как эти права обеспечили свободному обществу дорогу к экономическому процветанию.

Содержание книги противоречило идеям о технократическом развитии отсталых стран. Бывшим ученикам и коллегам Хайека, ставшим экспертами в вопросах развития, включая Гуннара Мюрдаля, идеи Хайека были известны, но они предпочитали их не обсуждать. Отсутствие дискуссии между Хайеком и Мюрдалем по вопросам развития стало одной из интеллектуальных потерь XX века. Как мы увидим в последующих главах, причиной того, что в течение последних 60 лет идеи сторонников свободного развития игнорировались, была отнюдь не идеологическая путаница. Они были проигнорированы по другим причинам, и мы все их обсудим. А сейчас посмотрим, о чем дискутировали бы Хайек и Мюрдаль, если бы спор между ними все же состоялся. Мы сопоставим взгляды Хайека и Мюрдаля, опираясь на их сочинения, опубликованные на протяжении всей их научной карьеры.

Чтобы оценить содержание диспута между сторонниками автократии и свободы и понять, почему в борьбе за лидерство победили первые, а не вторые, полезно разделить концепцию автократии на три составляющие. Каждую из трех мы отобразим в виде дихотомии, где крайние позиции будут не самыми представительными (и вообще будут казаться менее экстремистскими по сравнению с тем, как они воспринимались в 1950-е годы):

Строительство экономики «с чистого листа» – против извлечения уроков из истории. Имеет ли эксперт право начать работу «с чистого листа»? Или же будущее каждой страны определяется ее прошлым, т. е. ограничивает ли история произвол эксперта в выработке новых решений «с нуля»? Нужен ли эксперту совсем свежий взгляд на каждую страну – или сопоставление ее исторических путей с историей других стран позволяет больше узнать о том, как происходит процесс развития?

Благосостояние государства – против благосостояния индивидуума. Что должно быть главным объектом усилий в сфере развития – общество или личность? В чем задача развития – в достижении масштабных национальных целей или в том, чтобы позволить каждому человеку самому определять и преследовать собственные интересы? Происходит ли развитие лишь тогда, когда выбор делается в пользу достижения общенародных целей, или оно возможно и в случае поддержки обществом индивидуальной инициативы?

²⁵ Ibid., 3601. Там же. С. 18.

²⁶ Ibid., 3601. Там же. С. 13.

Осознанный план развития – против стихийных решений. Является ли развитие итогом сознательных усилий со стороны экспертов, руководящих централизованным процессом, или это – продукт стихийных решений, принимаемых множеством индивидов? Сводится ли развитие к совокупности технических проблем, сознательно решаемых усилиями технических специалистов? Или развитие – продукт решений, принимаемых в ходе конкуренции между частными лицами, обладающими неодинаковыми объемами информации?

В споре автократии со свободой сторонники свободного развития воспринимали левую сторону каждой из этих дихотомий как угрозу индивидуальным правам. Другая сторона каждой дихотомии рассматривалась ими как ценность сама по себе и как средство достижения целей развития. Попробуем же разобраться в каждом из этих трех компонентов нашей общей дискуссии.

Дискуссия 1: строительство «с чистого листа» – против извлечения уроков из истории

В 1955 году правительство Швеции назначило Альву Мюрдаля, супругу Гуннара Мюрдаля, послом в Индию. За женой последовал и Гуннар, вскоре получивший заказ на проведение масштабного исследования по вопросам развития Южной и Восточной Азии. Эта работа продолжилась до 1968 года и завершилась опубликованием 2200-страничного труда под названием «Азиатская драма». То был итог масштабного проекта по диагностике и лечению «синдрома экономической отсталости» в азиатских странах.

Против картины Индии в описании Мюрдаля как наглядного примера мышления «с чистого листа» выступил американский антрополог Клиффорд Гирц, назвавший это описание «грешащим стереотипами... на удивление отвлеченным... лишенным нюансов и конкретики... Казалось бы, нельзя написать книгу в миллион слов о стране со столь насыщенной историей, богатой культурой и сложной социальной системой – и не отразить ее своеобразия и жизненного духа. Тем не менее профессору Мюрдалю это удалось»²⁷.

Мышление «с чистого листа» игнорирует историю и рассматривает слаборазвитые страны как бесконечно пластичный материал в руках эксперта, предлагающего технические решения проблем развития. В качестве альтернативы можно было бы извлечь уроки из истории, чтобы понять, почему одно общество бедно, а другое – богато и, соответственно, как преодолеть бедность. Поскольку мышление «с чистого листа» не интересуется историей бедных стран, а технические специалисты в каждой стране начинают с нуля, то все развивающиеся страны представляются им одинаковыми. Ярким примером такого мышления в среде экспертов является само понятие слаборазвитости (*underdevelopment*). Принятые термины (например, «слаборазвитые страны» и «страны третьего мира») сводят в единую категорию такие – во всех иных отношениях разные – страны, как Китай, Колумбия или Бенин.

Концепция «чистого листа» популярна отчасти в силу того, что отражает некую реальность. А именно ту, что уровни дохода на душу населения в странах третьего мира гораздо ближе друг к другу, чем к уровням в развитых странах. С низкими доходами связаны другие характеристики общества, например: низкий уровень здравоохранения и образования, высокий уровень коррупции и т. д. Кроме того, страны третьего мира сильно отличаются от развитых стран, но во многом похожи друг на друга. Это привело Мюрдаля и его сторонников к той мысли, что слаборазвитым странам – прежде чем их жители смогут заботиться о себе

²⁷ Clifford Geertz, "Myrdal's Mythology," *Encounter* 33, Number 1 (July 1969): 31.

сами – необходимо в первую очередь покончить с неграмотностью, недоеданием и массовыми болезнями.

Таким образом, «мышление с чистого листа» позволило экспертам по развитию отрицать, что связь между правами личности и экономическими успехами Запада не является случайной. Если развивающимся странам нечему научиться у собственной истории, то не стоит изучать и историю Запада. Позже Мюрдаль напишет, что «все консультанты развивающихся стран» согласны в том, что все они «сегодня применяют к социальным и экономическим проблемам стран третьего мира не тот подход, который исторически применялся к развитым странам»²⁸.

Вместо необходимости изучать конкретные исторические условия каждой страны «мышление с чистого листа» позволило технократам предлагать универсальные решения, подходящие ко всем случаям жизни. Легко понять привлекательность решений, обещавших быть эффективными сразу во всех слаборазвитых странах. Обратясь к анализу подобного мышления в «Дороге к рабству», Хайек подверг критике убеждение, будто в жизни можно разрушить старое и начать все заново, и будто «только приверженность старым принципам стоит на пути прогресса»²⁹. В подтверждение он привел традиционный пример, как торжество индивидуальных прав и свобод обеспечило развитие науки. «Быть может, самым значительным результатом высвобождения индивидуальных энергий стал поразительный расцвет науки, сопровождавший шествие идеологии свободы из Италии в Англию и дальше... И только когда свобода предпринимательства открыла дорогу использованию нового знания, все стало возможным – лишь бы нашелся кто-нибудь, кто готов действовать на свой страх и риск – начинается бурное развитие науки, изменившее за последние сто пятьдесят лет облик нашего мира»³⁰.

Однако тогда, в 1944 году, в «Дороге к рабству» Хайек опасался новых поводов для пренебрежительного отношения к историческим урокам, допускающим возможность «прогресса на изведанных путях». Хайек не мог не видеть и альтернативы – возможности «начать с нуля», допускающей «полную переделку общества». Его беспокоили те, кто не желал учиться у истории: «речь шла при этом не о совершенствовании старого механизма, а о том, чтобы полностью его демонтировать и заменить другим»³¹.

В начале карьеры Гуннар Мюрдаль уже являл миру пример «мышления с чистого листа», типичного для богатых стран и порицаемого Хайеком. После успешного старта академической карьеры, что позволило ему в 1933 году занять престижную кафедру в Стокгольмском университете, Мюрдаль был готов к своей новой роли, которую сегодня мы назвали бы «интеллектуал на службе обществу» (public intellectual). Гуннар и его жена Альва лелеяли большие планы переделки шведского общества. Летом 1934 года, укрывшись в небольшом домике в горной Норвегии, они написали книгу «Проблемы народонаселения в условиях кризиса». Авторы рассматривали феномен, тогда казавшийся кризисом: резкое замедление роста численности населения в Швеции. Сегодня детали этой проблемы и предлагавшиеся решения менее важны, чем готовность ученой четы Мюрдаль приступить к тому, что Хайек назовет «полной переделкой общества».

Книга Альвы и Гуннара советовала шведам отказаться от «едва ли не патологической», по слову авторов, традиционной семьи, с ее преувеличенной заботой о детях. То, что каждому ребенку оказывалось избыточное родительское внимание, для типичной семьи оборачивалось малодетностью. Вот почему авторы предложили создать в Швеции своего рода «общенациональную семью» (great national household), т. е. единую систему детских учреждений, где воспи-

²⁸ Myrdal, *International Economy*, 201.

²⁹ Hayek, *Road to Serfdom*, 1814; Хайек, *Дорога к рабству*, 46.

³⁰ Ibid., 1753; там же, 43.

³¹ Ibid., 1814; там же, 46.

тание было бы в основном организовано государством. По словам авторов, они хотели, чтобы все это «сформировало более совершенный человеческий материал»³².

Гуннар Мюрдаль увлекся, как он сам это называл, «социальной инженерией», т. е. был готов отбросить все предшествующие институты и традиции независимо от свидетельств их исторической эффективности. Новые институты и традиции предполагалось создавать с нуля, силами экспертов, с опорой на чистый разум. В 1932 году Мюрдаль пояснил, что новая идеология социальной политики является «рациональной, тогда как старая ... была довольно сентиментальной». Эксперт-реформатор должен быть «свободен от бремени» преклонения перед историческим наследием. Мюрдаль воспринял новый технократический подход как «чисто технический анализ проблем социальной политики». Такой подход «имеет определенную тенденцию развиваться в крайне радикальном направлении». Это объяснялось тем, что технические решения действительно разрабатывались «с нуля» и отбрасывали предыдущие институты «просто потому, что в структуре чисто технического анализа нет места институциональным традициям»³³. Это было то самое мышление, которое привело Гуннара и Альву к идее поменять в Швеции традиционную семью на государственную систему воспитательных учреждений.

Технократические претензии на построение нового общества «с нуля» не могли не ужаснуть Хайека. Истоки «мышления с чистого листа» он увидел в «одержимости технологическими решениями». Это было своего рода «пробным вариантом» мышления экспертов по развитию, существующего по сей день и стремящегося решить проблему бедности техническими способами, почерпнутыми у естествоиспытателей и инженеров. Согласно Хайеку, технократия представляет собой «некритический перенос в общественные науки методов и интеллектуальных привычек, выработанных в науках технических и естественных». Технократы «пытались дискредитировать результаты многолетнего изучения процессов, происходящих в обществе, которые не укладывались в прокрустово ложе их предвзятых представлений» о том, каким должно быть верное техническое решение. Децентрализованное решение [социальной] проблемы усилиями свободного общества, где нет конкретного ответственного лица, *не является* аналогом инженерного решения технической проблемы, находящейся под контролем соответствующего специалиста³⁴.

Относительно роли индивидуальной свободы в экономическом развитии у концепции «чистого листа» имелось два важных последствия. Во-первых – как мы покажем в следующих главах – в ней отбрасывались позитивные свидетельства того, насколько велик был исторический вклад индивидуальной свободы в процессы развития. Забвение уроков прошлого сделало возможным отрицание принципов свободы в современном экономическом развитии [стран третьего мира].

Во-вторых, чтобы заставить людей отречься от старых институтов и принять новые технические решения, навязываемые экспертами, принцип «начинать с чистого листа» требовал более жесткого подавления личной свободы. В западных странах технократия в основном провалилась, поскольку там демократические традиции позволили людям сохранить традиционные институты и отвергнуть предложенные экспертами альтернативы. Шведы, например, не отказались от семьи, которую супруги Мюрдаль называли «патологически» традиционной, и не пожелали отдавать детей в единую «общенациональную семью». Возможность постепенного развития, в основном согласно традиции, не является результатом принуждения – оно происходит естественным путем.

³² Allan Carlson, *The Swedish Experiment in Family Politics: The Myrdals and the Interwar Population Crisis* (New Brunswick NJ: Transaction Publishers, 1990), 94, 95, 90; Карлсон, *Шведский эксперимент в демографической политике*, глава 3.

³³ Beatrice Cherrier, "Gunnar Myrdal and the Scientific Way to Social Democracy, 1914–1968." *Journal of the History of Economic Thought* 31, Number 1 (March 2009): 33–55.

³⁴ Hayek, *Road to Serfdom*, 1810; Хайек, *Дорога к рабству*, 46.

Хайек защищал тех, кто хотел вместо экспертных новаций сохранить собственные институты, и не требовал от них исчерпывающего и рационального обоснования каждой социальной практики. Технократы не понимали, что институты (например, семья) являются сложными решениями сложных же проблем; они развивались без участия каких-либо специалистов. Это были «результаты социального процесса, никем не планировавшегося и происходившего по причинам, никому не известным»³⁵. Урок был не в том, чтобы всегда избегать перемен, а в том, чтобы эксперты проявляли больше смирения перед лицом традиций, которые они не способны до конца понять. Располагая знанием местных условий, простые люди – в отличие от заезжих западных технократов – могут лучше оценить полезность собственных традиций. В меняющихся условиях традиционные институты не теряют способности развиваться самостоятельно. Важный урок состоит в том, чтобы дать людям возможность самим выбирать, что им нужно.

Отказ от подхода «с чистого листа» на Западе стал возможным благодаря наличию там демократических институтов. В странах же третьего мира автократы и их советники из числа экспертов имели неограниченную власть, позволявшую им навязывать населению подобные подходы. Споры между любителями начинать «с чистого листа» и желающими учиться у истории, происходили на Западе, но не могли произойти в остальном мире. Сторона, проигравшая этот спор на Западе, в странах третьего мира победила без всякого спора.

Дискуссия 2: благополучие государства – против благополучия индивидуумов

Цель развития как *развития национально-государственных образований* – т. е. развития, происходящего в рамках, усилиями и в интересах отдельных стран – представляется настолько сама собой разумеющейся, что этого уже никто не замечает. В многочисленных терминах из словаря экспертов по развитию – *слаборазвитые страны, страны третьего мира, развивающиеся страны* – обсуждению обычно подвергается лишь то, какие страны, но никак не существительное «страны», не вызывающее никаких вопросов.

В трудах Мюрдаля на темы развития подобные термины встречались постоянно. На кого работали все эти консультанты по вопросам развития? Они были «консультантами правительства в слаборазвитых странах»³⁶. Чьи проблемы изучались? Опять же, «проблемы слаборазвитых стран». Кто обязан был решать проблемы? Советники «из развитых стран» призывали «власти слаборазвитых стран к осуществлению... социальных и экономических реформ»³⁷. Мюрдаль описывал меры, которые «следовало принять слаборазвитым странам». Подчеркивая, что «у них нет времени на промедление» и что «реформы им остро необходимы»³⁸, Мюрдаль имел в виду именно «страны». Впрочем, и сегодня в сообществе экспертов по развитию адресат подобных обращений остается прежним. Разумеется, какие-то меры необходимо принимать на национальном уровне; на этом же уровне в основном проводится анализ проблем развития; игнорировать этот уровень нет никаких оснований. Тем не менее исключительное внимание к *странам* само по себе представляет угрозу *личным правам* граждан, на что указывал Хайек.

Одной из очевидных угроз является угроза правам этнических меньшинств. В своей книге «Азиатская драма» Мюрдаль «религию, этническое происхождение, культуру и язык» называет «барьерами», которые необходимо «разрушать»³⁹. Для разрушения этнических барьеров (разумеется, если это вообще следует делать) имеются разные способы – более при-

³⁵ Hayek, *Abuse and Decline of Reason*, 1677–1685.

³⁶ Myrdal, *International Economy*, 201.

³⁷ Ibid., 201.

³⁸ Ibid., 204.

³⁹ Цит. по: Bauer, *Dissent on Development*, 187.

емлемые и менее приемлемые. Если вы просто призываете этнические группы проявлять взаимную терпимость и отказаться от расистских взглядов по отношению к другим группам, то против таких – вполне приемлемых – призывов никто возражать не будет. Гораздо менее приемлемы другие способы, такие как лишение этнических меньшинств права сохранять собственную, добровольно избранную идентичность. Это может быть, например, запрет на употребление языков этнических меньшинств, отправление ими религиозных обрядов или соблюдение культурных традиций. И совсем уж неприемлемы попытки какой-то одной этнической группы отождествлять себя со всей нацией – и поощрять ненависть и дискриминацию в отношении остальных этнических групп.

Казалось, Мюрдаль не понимал, что, призывая частного человека проявлять «лояльность» исключительно к «национальной общности» (т. е. к государству), он может содействовать росту национализма и нетерпимости⁴⁰. Хайек гораздо четче видел потенциальную угрозу различным группам меньшинств со стороны национализма. Например, он отмечал, что национализм выгоден автократам, которые в целях усиления собственной власти также не прочь поманипулировать чувствами ненависти к «нетитульным» группам: «„Мы“ и „они“, свои и чужие – на этих противопоставлениях, подогреваемых непрекращающейся борьбой с теми, кто не входит в организацию, построено любое групповое сознание, объединяющее людей, готовых к действию. И всякий лидер, ищущий не просто политической поддержки, а безоговорочной преданности масс, сознательно использует это в своих интересах. Предоставление этим группам максимальной свободы действий имеет, с их [автократов] точки зрения, большое преимущество – большее, чем любая позитивная программа»⁴¹.

Хайек отмечал, что в случае вспышек национальной ненависти особо уязвимыми оказываются этнические меньшинства, преуспевшие в сфере бизнеса или финансов. Зависть к успехам и национальные предрассудки превращаются в гремучую смесь. Государственная политика, например «экспроприация сверхприбылей» капиталистов, на деле может быть в большей степени направлена против национальных меньшинств⁴². Со временем обеспокоенность Хайека судьбами предпринимателей из числа национальных меньшинств окажется пророческой. Это подтвердят трагические примеры индийцев, в 1972 году изгнанных из Уганды при правлении Иди Амина, а также китайцев, в 1960 году подвергшихся массовой резне в Индонезии. Со временем проблема меньшинств в целом останется на слуху в связи с трагедиями племени тутси, боснийских мусульман, курдов, тибетцев, жителей Дарфура и многих других этнических групп.

Однако национализм опасен для свободы не только тем, что создает угрозу этническим меньшинствам. Что следует понимать под целью «национального развития»? По-видимому, это понятие нельзя сводить к единому интересу народа, состоящего из множества индивидуумов, преследующих собственные, совершенно разные цели. В самом деле, это доказал Кеннет Эрроу, еще один Нобелевский лауреат, в 1950 году сформулировавший знаменитую «теорему невозможности». Согласно этой теореме не существует способа, позволяющего расставить приоритеты данной социальной группы так, чтобы были соблюдены элементарные (с точки зрения последовательности и согласованности) требования здравого смысла.

Хайеку любая «национальная цель» представлялась, грубо говоря, прикрытием того факта, что цели одних социальных групп достигаются в ущерб целям других социальных групп. Экономика и политика «предполагает выбор между конфликтующими или конкурирующими целями – различными потребностями разных людей». Если мы задаем набор приоритетов и называем это «целью национального развития», то в действительности мы принимаем реше-

⁴⁰ Цит. по: Bauer, *Dissent on Development*, 187.

⁴¹ Hayek, *Road to Serfdom*, 3893; Хайек, *Дорога к рабству*, 145.

⁴² Ibid., 122–123.

ние о том, какие цели «должны быть принесены в жертву ради достижения других целей». Тот факт, что «цели национального развития» формулируются в соответствии с рекомендациями экспертов, означает, что последние «вправе решать, каким конкретным целям должно быть отдано предпочтение; именно их шкала приоритетов будет с неизбежностью навязана данному обществу»⁴³. Поскольку ни одна демократия не отдаст судьбоносных решений на откуп экспертам, эксперты могут разувериться в ней как в эффективном способе достижения целей, т. е. в осуществлении того, что они считают «развитием». Не исключено, что тогда эксперты предпочтут демократии власть диктатора, который сделает предлагаемую ими программу оправданием своего авторитарного стиля правления.

Если невозможно примирить «национальную цель» развития с множеством независимых индивидуальных интересов, то приходится выбирать. Очевидно, что Мюрдаль и Хайек приняли бы противоположные решения. Как ясно из введения к данной главе, Хайек не мог согласиться с тем, что «индивид – это только средство достижения целей некоторой высшей общности, будь то „общество“ или „нация“»⁴⁴.

Показательно, что Мюрдаль – подобно Хайеку – понял, что в сочетании с такой национальной целью, как развитие, национализм открывает дорогу к власти: «Политическим лидерам молодых государств необходимо пробудить в народе честолюбивые устремления», ибо «это является для них орудием консолидации власти».

Лидеры молодых государств понимают, что «если в народе и можно пробудить честолюбивые устремления, то это – надежды на ...экономическое развитие». Эти лидеры понимают, что «апатичные, неграмотные массы» поддаются «воздействию с помощью националистических призывов»⁴⁵. Разница между Хайеком и Мюрдалем состояла в том, что последний считал неограниченную власть государства во главе с национальным лидером положительным явлением. Мюрдаль полагал, что развитие может быть обеспечено только путем достижения национальных целей, которые лидер навязывает согражданам, при необходимости – с помощью принуждения.

Итак, в этом (опять же, несостоявшемся) споре на тему развития – между защитниками индивидуальных прав, с одной стороны, и сторонниками широких прерогатив государства – с другой – Хайек и Мюрдаль заняли противоположные позиции. Обратимся теперь к третьей дискуссии между Хайеком и Мюрдалем.

Дискуссия 3: осознанный план развития – против спонтанных решений

В феврале 2013 года известный авторитет в вопросах развития Оуэн Бардер прочел лекцию, в которой определил развитие как «способность сложной адаптивной системы приобрести новые свойства». Этим он дал понять, что развитие есть продукт деятельности целостной системы, слишком сложной для того, чтобы ею управлял один человек. Тем не менее система является адаптивной в том смысле, что проблемы порождают в ней децентрализованную реакцию и ответные действия, что позволяет корректировать возникшие сбои. Эта идея вызвала положительный отклик в блогах, посвященных вопросам развития, и никто не назвал ее автора Оуэна Бардера правым экстремистом⁴⁶.

Хайек имел несчастье опередить свое время. В значительной части «Дорога к рабству» посвящена явлению, которому автор дал название «спонтанный порядок» (spontaneous order). В качестве примеров «спонтанного порядка» Хайек привел развитие рынков, эволю-

⁴³ Ibid., 2631.

⁴⁴ Ibid., 4038; Хайек, *Дорога к рабству*, 153.

⁴⁵ Myrdal, *International Economy*, 154.

⁴⁶ <http://www.cgdev.org/content/calendar/detail/1426888/>, accessed August 16, 2013.

цию права и эволюцию социальных норм. Похожие понятия, кто бы их ни популяризировал – ученые-естествоиспытатели или энтузиасты Силиконовой долины – повсюду встречаются и сегодня: *комплексность, становление, сложные адаптивные системы или самоорганизующиеся системы*. Независимо от названия все они обозначают системы, которые никто не изобретал, порождающие порядок, которого никто не запрашивал, и дающие результаты, на которые никто не рассчитывал. Примерами подобных систем служат: интернет, эволюция, язык, город, муравейник. Дискуссия среди специалистов по развитию между сторонниками осознанного замысла (*conscious design*) и стихийных решений (*spontaneous solutions*) аналогична спору об эволюционной теории между теми, кто верует в «разумный замысел» – и теми, кого очаровывает «спонтанный порядок» эволюции.

Для Хайека «спонтанный порядок» был связан с идеей, которая к тому времени уже прочно утвердилась в экономической теории – идеей общего равновесия. В рамках этой теории утверждалось, что система неконтролируемых рынков любого товара – потребительского или производственного назначения – это саморегулирующаяся система, которая стихийным образом уравнивает спрос и предложение⁴⁷. Обо всем этом кратко – причем в духе Хайека – высказался Кеннет Эрроу: «Представление о том, что результаты действия целостной системы могут отличаться от ожидаемых – и даже быть противоположными, – является, безусловно, важнейшим интеллектуальным вкладом, который экономическая мысль внесла в современное понимание социальных процессов»⁴⁸.

Лоуренс Саммерс – гарвардский экономист, ставший при Билле Клинтоне министром финансов (и по совпадению племянник Кеннета Эрроу), писал о Хайеке так: «Какой главный вывод следует сегодня из курса экономики? Студентам я пытаюсь внушить мысль, что «невидимая рука» побеждает «сильную руку» (неважно, явную или скрытую). Все будет достигнуто эффективными усилиями, для которых не нужно ни планов, ни органов управления, ни руководящих указаний. Среди экономистов это – консенсусное мнение. В этом и состоит наследие Хайека»⁴⁹.

В «Дороге к рабству» Хайек прежде всего подчеркивал то, чем сегодня нас так привлекает «спонтанный порядок» (кратко описанный выше в лекции Бардера): «спонтанные и неконтролируемые усилия индивидов могут составить фундамент сложной системы экономической деятельности»⁵⁰. Хайеку было ясно, как «нетерпеливое стремление к быстрым результатам»⁵¹ заставляет иных забыть о «спонтанных силах, заключенных в свободном обществе» и вместо этого грезить «коллективным и „сознательным“ руководством, направляющим движение всех социальных сил к заранее заданным целям»⁵². Он отмечал, что «сознательная мобилизация» несет в себе известный соблазн, ибо «человек, который действительно делает дело» всегда популярнее «гнусного субъекта, который, сидя в своем кресле, разглагольствует, почему усилия, предпринимаемые [первым] из самых лучших побуждений, идут прахом»⁵³.

⁴⁷ Тем не менее у Хайека было одно существенное несогласие с мнением большинства экономистов того времени. Тогда они считали естественным предполагать, что все экономические субъекты обладают совершенным знанием о том, что происходит со всеми участниками рынка. Это допущение было (и остается) весьма удобным для создания моделей, прогнозирующих развитие экономики. Оно оставляло открытой теоретическую возможность того, что правительство может располагать достаточной информацией, чтобы предсказать состояние общего равновесия по итогам любой своей политики. А это, в свою очередь, оставляло лазейку для оправдания идеи государственного планирования. Хайек считал такое допущение нелепым.

⁴⁸ Kenneth Arrow, *Collected Papers of Kenneth J. Arrow, Volume 2: General Equilibrium*, (Cambridge MA: Harvard University Press 1983), 107–108.

⁴⁹ Цит. по: Daniel Yergin and Joseph Stanislaw, *The Commanding Heights: The Battle Between Government and the Marketplace That Is Remaking the Modern World* (New York: Simon and Schuster, 1998), 150–151.

⁵⁰ Hayek, *Road to Serfdom*, 1750; Хайек, *Дорога к рабству*, 42.

⁵¹ Ibid., 1202; там же, 16.

⁵² Ibid., 1829; там же, 46–47.

⁵³ F. A. Hayek, ed., *Collectivist Economic Planning: Critical Studies on the Possibilities of Socialism by N. G. Pierson, Ludwig von Mises, Georg Halm, and Enrico Barone* (London: Routledge and Kegan Paul, 2011), Kindle edition, locations 152–157; Ф. А. фон

Впрочем, мышлению в стиле экспертных решений есть альтернатива: стихийные решения, принимаемые в процессе рыночной конкуренции. Конкурентные рынки позволяют каждому, кто способен удовлетворить ту или иную [общественную] потребность, предложить свое решение потребителю. Потребители выбирают решения, обеспечивающие максимальное удовлетворение потребности при минимальных затратах. Как отмечал Хайек, «мы доверяем многочисленным независимым участникам конкурентного рынка» произвести для нас нужные товары. По остроумному замечанию Хайека, даже если мы не знаем, чего хотим, стихия рыночной конкуренции создает то, «чего мы захотим, когда нам это покажут»⁵⁴.

Поборники сознательного планирования считали, что они лучше разбираются в том, что является благом для отдельного человека. Кроме того, они считали себя достаточно умными, чтобы направлять все общество, выявляя и снимая ограничения, тормозящие его выход из бедности. Совсем иначе проявляются сторонники индивидуальных решений, стихийных и непретенциозных: «Смирение перед социальными силами и терпимость к различным мнениям, характерные для индивидуализма, являются тем самым полной противоположностью интеллектуальной гордыне, стоящей за всякой идеей единого руководства общественной жизнью»⁵⁵.

Мюрдаль – в отличие от Хайека – считал, что «ответственность за экономическое развитие» должно взять на себя государство⁵⁶. Мюрдаль рассматривал «правительство и его окружение в качестве активного субъекта планирования, а население страны – как сравнительно пассивный объект политики, являющейся результатом планирования»⁵⁷. Под словом «планирование» Мюрдаль не подразумевает централизованного планирования советского типа. Он уточняет, что планирование – это лишь то, что мы называем *сознательным замыслом*: «Нередко под планами развития очевидным образом понимается планирование как всеобъемлющая попытка изменить все неудовлетворительные условия»⁵⁸. Мюрдаль отмечал: «...этим странам нужна программа, которая позволит внести перемены одновременно в большой набор параметров, сдерживающих их развитие»⁵⁹.

Работая над книгой «Азиатская драма», Мюрдаль в 1968 году не питал надежды на то, что нищее население окажется способным на принятие индивидуальных решений: «Преобладающие настроения и привычки людей в отношении жизни и работы являются с точки зрения развития бесперспективными». Этих людей отличает «низкий уровень трудовой дисциплины»; еще для них характерны: «суеверие, иррациональность, беспечность, неспособность к адаптации, отсутствие амбиций и общая неготовность к переменам и экспериментам»⁶⁰.

Государство не противостоит рынку

Однако, вопреки заблуждениям, стихийность решений как противоположность осознанности замысла не есть аргумент в защиту свободы рынков против государственного вмешательства в экономику. В этом состояло и состоит одно из главных недоразумений в споре по вопросам развития за последние шесть десятилетий. Это был единственный спор о свободе, происходивший в рамках тематики развития, но этот спор «шел не о том».

Хайек. *Индивидуализм и экономический порядок* (Челябинск: Социум, 2011), 151.

⁵⁴ Hayek, *Constitution of Liberty*, 1980.

⁵⁵ Hayek, *Road to Serfdom*, 180; Хайек, *Дорога к рабству*, 166.

⁵⁶ Gunnar Myrdal, *Development and Under-Development: A Note on the Mechanism of National and International Inequality* (Cairo: National Bank of Egypt, 1956), 63 and 65.

⁵⁷ Цит. по: Bauer, *Dissent on Development*, 187.

⁵⁸ *Ibid.*, 206.

⁵⁹ *Ibid.*, 207.

⁶⁰ *Ibid.*, 189.

Так, британский экономист венгерского происхождения П. Т. Бауэр, в 1971 году опубликовавший книгу «Споры о развитии», во многом поддержал Хайека и раскритиковал авторитарный подход Мюрдаля к развитию (здесь мы уже привели многие его цитаты из Мюрдаля). Однако сообщество экспертов увидело в аргументах Бауэра не более чем обычную критику государственного вмешательства с позиций сторонников свободного рынка. В 1971 году Бауэру, как многим другим до него и после, не удалось вовлечь экспертное сообщество в фундаментальную дискуссию между сторонниками авторитарного – и свободного развития.

Тому, что противопоставление «государство или рынок» является ложным, имеется три причины. Во-первых, Хайек сам признавал взаимодополняемость государства и рынка, когда говорил о необходимости государственных товарных поставок или экстренных мер в областях, не охваченных рынком. То, что Хайек называл «довольно широким полем деятельности» государства, включает строительство дорог, охрану окружающей среды, санитарную защиту, создание нормативно-правовой базы, соблюдение закона и оказание социальных услуг⁶¹.

Во-вторых, государственные службы наилучшим образом функционируют тогда, когда и они являются результатом спонтанного порядка, возникшего в свободном обществе. Политики, предлагающие избирателям нужный им «продукт», получают взамен поддержку, а политики, пренебрегающие их волей или вредящие их интересам, изгоняются с громким протестом. Эта система не требует, чтобы в стране существовал верховный распорядитель государственных услуг: его работу выполнит правило «скрипучее колесо получает смазку» – разветвленная сеть обратной связи. Автократия не признает за человеком право быть «скрипучим колесом», т. е. отрицает свободу слова и собраний – необходимых орудий протеста против властных злоупотреблений.

Мы в свободных обществах недооцениваем, сколь эффективен спонтанный политический порядок, потому что многое считаем само собой разумеющимся. Учителя выходят на работу, дороги (в основном) – в хорошем состоянии, власти не жгут дома фермеров в Огайо, ибо это вызвало бы страшное возмущение. В автократиях, не зависящих от поддержки народа и способных подавлять протесты, можно с гораздо большим основанием ожидать невыхода учителей на работу, катастрофического состояния дорог и разорения фермерских хозяйств.

В-третьих, заблуждение того, кто отождествляет оппозицию «осознанный замысел – спонтанные решения» с оппозицией «государство – рынок», в жизни опровергается наличием автократов, выступающих за свободный рынок. Как вписать их в оппозицию «государство – рынок»? Такие автократы и их советники из числа адептов свободного рынка могут сознательно планировать развитие страны «как всеобъемлющую попытку изменить все неудовлетворительные условия», – повторим цитату из Мюрдаля, – где «неудовлетворительные условия» включают отсутствие процветающего частного сектора. Мы уже отмечали критическое отношение Хайека к консервативному стороннику предпринимательства, который «не возражает против произвола властей или политики принуждения до тех пор, пока все это служит правильным, по его мнению, целям. Он полагает, что власть, находящуюся в достойных руках, не следует ограничивать слишком жесткими правилами. Поскольку у такого человека нет четких принципов и он является, по существу, оппортунистом, то ему остается уповать лишь на появление мудрого и доброго правителя»⁶².

Хайек возражал против концепции «благонамеренной автократии» в силу своей принципиальной оппозиции той неограниченной власти, которой обладает автократ. Принципиальная позиция Хайека нарушается в любом случае, какова бы ни была цель такой власти – продвижение свободных рынков или построение социализма. Взявшись определять, какая политика способствует свободе рынков, автократы и их советники не гарантируют уважения прав лич-

⁶¹ Hayek, *Road to Serfdom*, 216; Хайек, *Дорога к рабству*, 62.

⁶² Hayek, *Constitution of Liberty*, 13831.

ности. Хотя на смену экспертам, сознательно планирующим развитие экономики с помощью государства, могут прийти эксперты, планирующие развитие посредством рынка, они в любом случае остаются на службе диктатору – обладателю неограниченной власти.

Хайек не видел оснований надеяться на то, что неограниченная власть попадет в руки «мудрого и доброго правителя». Он не верил в это настолько, что целую главу «Дороги к рабству» посвятил вопросу: «Почему к власти приходят худшие?» В автократии, отмечает Хайек, «перед людьми жестокими и неразборчивыми в средствах» открываются «широкие возможности»⁶³. В такой системе «готовность взяться за такую [грязную] работу станет пропуском к карьере и власти»⁶⁴. Почему мы считаем, что лидер, взошедший на вершину в такой системе, окажется добродетельным? Почему мы надеемся, что он таковым и останется, если для сохранения власти требуется та же «готовность совершать подлости», которая изначально привела его к власти?

Рыночно ориентированный автократ, в споре между рыночниками и государственниками занимающий сторону рынка, в споре между защитниками прав личности и государственниками занимает сторону государства. Такой правитель рано или поздно станет опасным как для политической свободы, так и для свободы экономической.

Идея осознанного замысла в контексте недостаточности знания

В понимание того, почему в сфере развития *осознанный замысел* не срабатывает, Хайек внес еще один вклад, обеспечивший ему серьезный авторитет в научных кругах. В 1945 году он опубликовал в *American Economic Review*, ведущем экономическом журнале, статью «Использование знания в обществе». Огромной проблемой для централизованного управления экономикой, – писал Хайек, – является недостаток информации, поступающей к органам планирования. В 2011 году группа видных экономистов назвала работу Хайека одной из двадцати лучших статей, опубликованных в *American Economic Review* в прошедшем столетии. (Те же идеи, только в более доступной форме, излагались в «Дороге к рабству»; по иронии судьбы концепции, повредившие имени Хайека в публичном идеологическом пространстве, укрепили его репутацию в академической среде.)

Три десятилетия спустя, принимая в Осло премию Нобеля по экономике, Хайек и Мюрдаль высказали по проблеме знания противоположные взгляды. Выступавший первым, Мюрдаль закончил свою Нобелевскую лекцию словами: «Я верю в дальнейшее развитие науки... Нет ничего, что не поддавалось бы изучению. Мы можем бесконечно расширять и совершенствовать наши знания о мире, и единственным ограничением в этом является численность научных работников... и, разумеется, степень их ...одаренности»⁶⁵

⁶³ Hayek, *Road to Serfdom*, 4067; Хайек, *Дорога к рабству*, 154–155.

⁶⁴ Ibid., 4070; там же, 155.

⁶⁵ Gunnar Myrdal, “The Equality Issue in World Development,” 1974 Nobel Prize Lecture in Economic Sciences, March 17, 1975. Available at http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/1974/myrdal-lecture.html, accessed September 22, 2013.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.